

Цзян Лэ, зевая, толкнул дверь и вышел из дома. Он проигнорировал шум возни, который стих буквально за полсекунды до того, как он открыл дверь, и посмотрел на стоявший под карнизом миниатюрный деревянный домик в три этажа. У домика были и двери, и окна. Мутировавшим видам, которые могли свободно менять размер тела, этого вполне хватало, чтобы спокойно жить.

Рядом с деревянным домиком стоял цветочный горшок. С самого утра мутировавший женьшень уже начал впитывать солнечный свет, дождь и росу.

Верхний и нижний этажи деревянного домика почувствовали приближение Цзян Лэ, и оттуда соответственно высунулись две головы: одна змеиная и одна лозовая. Оба эти типа сделали вид, будто ничего не произошло. Словно не они только что сцепились в драке.

— Почему ты в последнее время встаёшь так поздно? — листья мутировавшего женьшеня шевельнулись, будто он разглядывал Цзян Лэ. — Мне уже почти пора на работу, я жду, когда ты откроешь дверь.

Цзян Лэ молчанием прикрыл лёгкую нечистую совесть и, идя к воротам, спросил:

— Когда Сяо Лан ушёл?

В последнее время Сяо Лан часто исчезал рано утром. Иногда возвращался несколько раз в течение дня, а иногда появлялся только вечером, когда на ферме заканчивался рабочий день. Судя по запаху на его теле, чаще всего он просто уходил охотиться. Это было природой мутировавших видов, и Цзян Лэ не собирался её подавлять.

— Не знаем.

Цзян Лэ отодвинул засов, обернулся и увидел трёх мутировавших видов, которые с честнейшим видом смотрели на него. Даже если они и знали, то, скорее всего, всё равно не осмелились бы сказать.

Цзян Лэ не стал допытываться. Он просто вынес мутировавший женьшень и поставил его на каменную скамью у стены двора, чтобы тот подождал Фэн Юня, который чуть позже придёт и заберёт его на работу.

Хотя обычная дверь и обычная стена двора никак не могли помешать этим высокоуровневым мутировавшим видам входить и выходить, питомцы Цзян Лэ всё равно привыкли к тому, что войти или выйти можно только после того, как Цзян Лэ откроет или закроет дверь. Это было похоже на то, будто они перенесли правила пространства фермы в реальность.

Как только дверь открылась, Кровавая лоза и Сяо Хэй одна за другой пересекли порог и нетерпеливо поползли наружу.

Когда Сяо Хэй вернули на ферму, сначала она очень плохо привыкала. Почти каждый день она ходила за Цзян Лэ хвостом и ждала, когда он выдаст ей рабочее задание. Цзян Лэ сказал, что делать ей ничего не нужно, и если она не выходит за пределы фермы, то может свободно жить, пока не причиняет вреда другим людям и не портит урожай и прочее имущество фермы.

Поначалу Сяо Хэй очень сомневалась. Только в последние два дня она наконец перестала быть хвостиком Цзян Лэ. Теперь она каждый день уходила рано и возвращалась поздно вместе с Кровавой лозой, будто нашла новый смысл жизни.

Однако, глядя, как два мутировавших вида по-змеиному скрываются в траве неизвестно куда, Цзян Лэ всё равно на мгновение задержал взгляд.

Он всё время чувствовал, что где-то что-то не так.

Но все маршруты двух питомцев записывались в системе фермы. Цзян Лэ открывал и проверял: они не покидали ферму и не ходили ни в какие особые места.

Он покачал головой, отбросил это сомнение, а когда снова поднял глаза, как раз увидел, что издалека идёт Фэн Юнь.

Почувствовав приближение Фэн Юня, мутировавший женьшень заметно оживился. Цзян Лэ скрестил руки на груди и посмотрел на него.

— В последнее время ты ходишь на работу куда охотнее, чем обычно.

Цзян Лэ просто сказал это между делом, но качавшиеся листья мутировавшего женьшеня вдруг замерли.

— Мм? Разве? Мой рабочий энтузиазм всегда был очень высок.

— Кстати, насчёт того, что ты раньше говорил о желании взять ученика, я недавно подумал...

Пока Цзян Лэ говорил, Фэн Юнь уже подошёл к ним.

— Давай обсудим эту тему вечером после работы! — мутировавший женьшень перебил Цзян Лэ.

— Ладно.

Цзян Лэ кивнул Фэн Юню в знак приветствия и посмотрел, как тот взял цветочный горшок на руки и унёс мутировавший женьшень.

Все питомцы ушли, и Цзян Лэ тоже собрался выйти.

Он долго управлял фермой удалённо, а теперь наконец вернулся. К тому же у него появилось немного свободного времени, и Цзян Лэ был рад заняться частью базовой работы и лично разобраться со многими делами.

Поэтому он с головой ушёл в офис фермы и работал до тех пор, пока не стемнело, а сотрудники фермы один за другим не начали заканчивать смену.

Цзян Лэ потянулся, посмотрел сегодняшнее меню столовой и решил всё-таки вернуться домой и приготовить что-нибудь отдельно. Но он ещё не успел встать, как Мао Сяофэй постучал в дверь и вошёл.

— Сяофэй, что случилось? — спросил Цзян Лэ.

Мао Сяофэй уже долгое время был главным человеком на ферме. Если он не сталкивался с проблемой, с которой непременно нужно было прийти к Цзян Лэ, то обычно не беспокоил его. Поэтому каждый раз, когда Мао Сяофэй приходил, Цзян Лэ сразу становился внимательнее.

— Брат Цзян, тут... есть несколько дел, — Мао Сяофэй, похоже, немного затруднялся, но под спокойным взглядом Цзян Лэ всё же стиснул зубы и рассказал.

— Первое: портнихи из нескольких мастерских сказали, что в последние дни Кровавая лоза всё время появляется по углам их швейных. Сначала они думали, что ничего страшного, но сегодня утром, когда открыли мастерскую, увидели, что вся комната заполнена лозами. Одни кроили ткань, другие шили, а на целом манекене, составленном из лоз, ещё и была надета одежда. Они перепугались до полусмерти.

— Второе: Сяо Хэй в последние дни караулит у подножия горы. Когда видит одинокого жителя деревни или сотрудника, насильно требует, чтобы ей разрешили отвезти их на спине в гору. Если жители не соглашаются, она гонится за ними без остановки. Об этом Сяо Хэй мне сама доложила. Она сказала, что отношение жителей влияет на её рабочий энтузиазм, и надеется, что я накажу жителей и сотрудников.

— Третье: одна сотрудница сказала мне, что её ребёнок с прошлой недели каждый день рано встаёт и бежит в медпункт, а ещё начал читать медицинские книги. Она подозревает, что у её ребёнка подменили душу. Я тоже видел этого ребёнка. Раньше он был до невозможности шаловливым, а теперь...

Мао Сяофэй на этом месте замолчал и посмотрел на Цзян Лэ.

Спокойствие на лице Цзян Лэ медленно потрескалось. На него за один раз пожаловались сразу трижды. Как хозяин питомцев, он ещё думал, что в последнее время эти мутировавшие виды

ведут себя как-то подозрительно послушно. Оказывается, они просто творили пакости в других местах.

Для надёжности Цзян Лэ сначала спросил:

— Кроме них, кто-нибудь ещё что-то натворил? А Сяо Лан? Он в последнее время что-нибудь делал?

К счастью, услышав это, Мао Сяофэй задумался, а потом растерянно покачал головой:

— Сяо Лан? Кажется, нет. В последнее время его почти не видно.

Всё-таки хоть один был спокойным. Цзян Лэ почувствовал каплю утешения. По крайней мере, рядом с ним оставалось одно надёжное существо.

Что до остальных троих...

Цзян Лэ смотрел на мутировавшие виды, которых вызвали в офис.

— Ладно. Теперь по одному сами рассказывайте, что происходит.

Дверь офиса была не закрыта. Время от времени несколько дочерних лоз в панике врывались внутрь и сливались с материнским телом.

Несколько лоз Кровавой лозы медленно тёрлись о пол.

— Я же сказал им не бояться. Я просто хотел поучиться ремеслу. Жаль, они не понимают. Когда я почти научился, я захотел сам попробовать. За одну ночь я помог им сшить несколько вещей. По моим ощущениям, получилось очень даже неплохо.

На этом месте одна лоза, похоже, даже захотела выйти наружу.

— Я принесу одну вещь, покажу тебе.

Цзян Лэ подавил желание закрыть лицо рукой и остановил его:

— Не уходи. Оставайся здесь. Куда ещё ты отправил свои лозы, рассказывай всё.

Очевидно, Цзян Лэ правильно спросил, потому что Кровавая лоза быстро признался: столовая фермы, кузница, пищевой цех, маслобойня и ещё целая куча рабочих мест, где нужны навыки

и практика, уже имели устроенных им лоз-учеников.

Сяо Хэй рядом слушала и смеялась.

Цзян Лэ бросил на неё взгляд. Чёрная змея тут же приняла честный вид.

— Ладно, — сказал Цзян Лэ Кровавой лозе. — Учитывая, что ты не натворил ничего слишком запредельного, на этот раз забудем. Но впредь нельзя без разрешения трогать чужие вещи. И ещё, в качестве наказания, сошьёшь Сяо Лану несколько новых комплектов одежды на Новый год. Когда вернёмся домой, я дам тебе ткань.

Снаружи Цзян Лэ никак этого не показывал, но в душе думал: как раз скоро Новый год, а заказы в швейных мастерских неизвестно насколько расписаны вперёд. Ему было непросто заказать для Сяо Лана несколько комплектов одежды, а теперь всё удобно сложилось.

Само по себе шитьё одежды не было для Кровавой лозы наказанием. Но шить одежду для Сяо Лана, вот это уже другое дело. Стоило подумать о снятии мерок, и Кровавая лоза сразу сникла.

— Теперь ты. Почему ты силой возишь людей в гору?

— Я просто работаю, — Сяо Хэй подняла голову и выпятила грудь. — Им ведь всё равно надо ходить туда-сюда. Зачем уставать самим, если я могу их отвезти? Обе стороны только выигрывают!

— Как именно ты их возишь?

— Вот так.

Чёрная змея изогнула голову и тело, показывая, как сначала хватает человека и забрасывает себе за спину.

— Я везу очень быстро. У меня большой опыт. Ни одного человека не уронила.

— А как реагируют те, кого ты везёшь?

— Они так радуются, что всё время кричат!

Цзян Лэ подавил желание дважды стукнуть Сяо Хэй по голове и глубокомысленно сказал:

— Это не радость... Ладно, ты пока отойди в сторону. Женьшень-лекарь, теперь ты Расскажи. У тебя что за дело? Почему у человека так резко изменился характер?

У Цзян Лэ было предчувствие, что корень проблем у этих мутировавших видов примерно одинаков. Лучше сначала выслушать всё, а потом разбираться.

— Я всего лишь лечил человека, — искренне сказал мутировавший женьшень. — Небо и земля свидетели моего сердца.

Его старческий голос был очень обманчивым. Цзян Лэ на какое-то мгновение даже подумал: может, он сам всё неправильно понял и слишком много додумал.

— Тогда почему характер ребёнка вдруг так сильно изменился, и почему он внезапно начал читать медицинские книги?

— Если у человека умная голова, но нет терпения к учёбе, разве это не болезнь? Если терпение к учёбе есть, но он не изучает медицину, разве это не болезнь? Я просто немного вылечил у него эти болезни, — тон мутировавшего женьшеня был уверенным, но под взглядом Цзян Лэ его голос всё-таки становился всё тише.

— Ты управлял им через ментальную силу, — лицо Цзян Лэ потемнело на пару оттенков.

Мутировавший женьшень: «...»

Факт назван прямо, отрицать невозможно.

— Вы все, один за другим... Я разве не говорил, что нельзя сильным обижать слабых и идти против чужой воли?

— Ты! — Цзян Лэ посмотрел на Сяо Хэй. — Раз так любишь возить людей, завтра Кун Шуя и Ло Мянэ едут в Хайши. Повезёшь их. И можешь передвигаться только по одному установленному маршруту туда и обратно. Месяц без свободных прогулок.

— А ты, — он посмотрел на мутировавший женьшень. — Немедленно снимите ментальный контроль. Потом неделя отпуска. Если нет крайней необходимости, пациентов не принимать.

Цзян Лэ вынес приговор. Кто-то из мутировавших видов сник, кто-то тайком обрадовался, но после одного режущего взгляда Цзян Лэ все снова стали смиренными.

Хозяин и трое питомцев покинули офис. Цзян Лэ шёл впереди. За ним мутировавший женьшень сидел на спине Сяо Хэй и двигался вместе с ними.

На полпути внезапно появился Сяо Лан. Почувствовав знакомую ауру, Цзян Лэ прислонил к нему голову и в душе вздохнул: хорошо, что хотя бы один у него сдержанный и надёжный.

Цзян Лэ пожаловался Сяо Лану на ненадёжные поступки остальных питомцев. Сяо Лан посмотрел за его спину и сказал:

— Я же говорил, пусть они переедут и живут отдельно.

Сяо Лан уже несколько раз поднимал этот вопрос. Его очень не устраивало, что в пространстве, где они с Цзян Лэ могли бы быть одни, всё ещё существовали другие высокоуровневые мутировавшие виды. Раньше Цзян Лэ всё время не соглашался. Он всё же считал, что как хозяин несёт ответственность не только за кормление, но и за воспитание. Нельзя просто предоставить этих мутировавших видов самим себе.

Но сегодня выяснилось, что расстояние до места проживания, похоже, никак не связано с управлением питомцами. Даже у него под носом они всё равно не мешали себе чудить. Из-за этого Цзян Лэ впервые немного поколебался.

Сяо Лан уловил выражение лица Цзян Лэ и сразу добавил собственный довод:

— Я даже дома для них нашёл.

Вообще найти дом было очень просто, и поначалу Цзян Лэ не обратил на это внимания. Он небрежно спросил:

— Где?

— Просто построил несколько новых, — лёгким тоном сказал Сяо Лан.

Но Цзян Лэ почувствовал неладное и повернул голову к нему.

— Построил новые... как построил?

Каждый участок земли в пределах фермы принадлежал фермеру. Что бы здесь ни строили, естественно, требовалось согласие фермера. В последнее время действительно началась мода на строительство домов. Многие сотрудники, накопив денег, подали заявки на участки у фермы и собирались строить дома в установленных районах.

Но Сяо Лан не был сотрудником фермы и по правилам такого права не имел.

— Я нашёл несколько хороших участков и сказал им, что хочу построить дома. Они сразу сказали, что готовы отдать мне участки, чтобы я строил. Даже мои кристаллы ядер брать не стали.

Слова были простыми, но они не мешали Цзян Лэ в голове восстановить тогдашнюю картину. Ледяной тон Сяо Лана, пугающее выражение лица, аура существа, способного одним движением раздавить человека. Так называемое «отдали», скорее всего, было просто инстинктом выживания людей, до смерти перепуганных аурой высокоуровневого мутировавшего вида. Им только и оставалось, что кричать: «Большой господин, пощадите!» Сяо Лан привык, что на него смотрят снизу вверх. Он вообще не различил их эмоций и не счёл происходящее чем-то неправильным.

— Немедленно отведи меня к этим сотрудникам, — Цзян Лэ схватил Сяо Лана за руку и улыбнулся без улыбки.

Через несколько минут Цзян Лэ наконец объяснил недоразумение и повёл питомцев домой. К этому времени небо окончательно потемнело.

Как бы часто питомцы ни показывали снаружи, что не способны вписаться в человеческое общество, стоило вернуться домой, как каждый тут же занимал своё место и выполнял свою работу.

Дочерние лозы готовили еду, стирали одежду.

Сяо Лан расставлял миски, палочки и табуреты, готовясь к ужину.

Сяо Хэй одним взмахом хвоста расколола толстое полено.

Мутировавший женьшень медленно выпускал мягкую целительную силу, окутывая комнату и всех людей и мутировавших существ, которые получили за жизнь большие или маленькие раны, начиная сегодняшнее исцеление.

Цзян Лэ лежал в кресле-качалке. Если изначально в душе и оставалась капля усталости, теперь она полностью рассеялась.

Сяо Лан появился у него за спиной, наклонил голову и встретился с Цзян Лэ взглядом.

— Ты злишься?

— Сначала немного, — Цзян Лэ легко выдохнул и посмотрел на луну за окном. — Теперь уже разобрался.

Он знал, что сам образ мышления мутировавших видов отличается от человеческого. Требовать, чтобы они сразу и во всём поступали безупречно, было невозможно. Но, к счастью, у Цзян Лэ было достаточно терпения и времени. И достаточно доверия к мутировавшим видам, которые до сих пор сражались рядом с ним плечом к плечу.

Когда спустя много лет они снова оглянутся на сегодняшнюю маленькую неурядицу, это окажется всего лишь обычным днём в длинной реке времени.

<http://bllate.org/book/17649/1691226>